

ПОВЕДАЛ САМ ДЕРЖАВИН...

Поэт родился четверть тысячелетия назад

Дмитрий Панфилов

In memoriam

«Пусть что хотят делают, а я везде и всегда буду таков, как был, и присяги моей, не убоясь лиц сильных, никогда ни для чего не нарушу», — сказал о себе Гаврила Державин.

Он очень долгие годы служил и занимал самые высокие государственные должности, отправляя оные «со всем своим усердием, честностью, всевозможным прилежанием и бескорыстием». Но поскольку «у монархов таковыми качествами или добродетелями найти совершенного благоволения не можно», Державин нередко попадал в немилость — «был недобрехотами за правду... притесняем и даже подвергаем под суд».

В своих «Записках» (они ведутся от третьего лица) поэт рассказывает, в частности, о том, как в царствование Павла I вступил в борьбу с весьма важными вельможами, которые за счет «поселян» «удовольствия не насытив свою алчность» и «хищнически набили свои карманы».

«Видя все сие, поэт Державин, приступая в межвом департаменте, нередко шумливал против генерал-прокуроров, князя Куракина и потом князя Лопухина, также и государственного казначея Васильева, ... а как они сие ни во что ставили, то сочинил поэт известную песню:

*Что мне, что мне суетиться,
Выжить бремя должностей,
Если свет за то братится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают,
Много умных есть господ,
И себя не забывают,
И царям сулят доход.*

Распустил по городу, желая, чтоб она дошла до государя и чтоб его спросили, на чей счет она писана: тогда бы и сказал он всю правду; но как они боялись до сего довести государя, чем бы открыться могли все их пакости, то и терпели, тайно злобясь, делая между тем на его счет неприятные императору внушения. Вследствие чего в одно воскресенье, проходя он в церковь,

между собравшимися в проходной зале увидев поэта Державина, с яростным взором, по обыкновению его, раздуть ноздри, так фыркнул, что многие то заметили и думали, что верно отошлет Державина в ссылку или по крайней мере вышлет из города в деревню...» На другой день, когда первая гроза пронеслась, поэт Державин обратился в герольдию с просьбой прибавить в его гербу надпись: «Силой вышнего держусь», объясняя это тем, что «в гербе его изображена

рука, держащая звезду, а как звезды держатся вышнюю силою, то и смысл такового девиза был ему очень приличен». Поэт Державин уповал на Бога, однако эта просьба неожиданно погасила гнев земного самодержца. Павел I, как иронически замечает поэт Державин, «силу вышнего по самолюбию своему почитал... в себе».

Когда же при Александре I поэт Державин получил окончательное распоряжение «очистить пост министра юстиции», он откликнулся произведением, многозначительно названным «Свобода». В «Объяснениях» к своим сочинениям поэт Державин писал: «Сия ода вся аллегорическая, которой подлинный смысл есть тот, что автор был на высоком холму, то есть в высоком чине... что, сделав ему огорчение, предлагали ему остаться, в совете и в сенате, обещая ему оставить министерское жалование и дать андреевскую ленту; но он отказался, сказав самому императору, что он в сенате его не услышит, а в

совете не увидит, когда надобно менять справедливость на чьи-нибудь прихоти, и что тогда хорошо служить, когда гладки воды не могут колебать непогоды, то есть законы нарушать пристрастие».

Ода «Фелица», написанная в 1782 году и посвященная Екатерине II, принесла поэту Державину известность и славу. Десять лет спустя поэт Державин получил возможность близко наблюдать «героиню» своей оды: он был призван ко двору и назначен одним из секретарей императрицы. Поначалу они часто встречались, однако вскоре Екатерина II охладела к поэту — «поселила в сердце остуду, которая примечена была поэтом Державиным по самую ее кончину». «Сначала императрица часто допускала поэта Державина к себе с докладом и разговаривала о политических происшествиях, каковым хотел было он вести подневную записку: но поелику дела у него были все роду неприятного, то есть прошения на неправосудие, награды за заслуги, милости по бедности; а блистательные политические, то есть о военных приобретениях, о постройке новых городов, о выгодах торговли и прочем, что ее увеселяли более дела — у других статс-секретарей, то и стала его редко призывать, так что иногда он недели пред ней не был, и потому журнал свой писать оставил; словом: приметно было, что душа ее более занята была военною славою и замыслами политическими, так что иногда не понимала она, что читано было ей в записках дел гражданских... и давала резолюции... не столько основательные, однако же сносные, как то: с кем-либо снести, переписаться и тому подобное».

Причину охлаждения императрицы поэт Державин усматривал и в том, «что он по желанию, видя дворские хитрости и беспрестанные себе толчки, не собрался с духом и не мог таких ей тонких писать похвал, каковы в оде Фелице и тому подобных сочинениях, которые им писаны не в бытность его еще при дворе; ибо издалека те предметы, которые ему казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему, при приближении к двору, весьма

человеческими и даже низкими... то и охладил так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим чистым сердцем в похвалу ее. Например, я скажу, что она управляла государством и самым правосудием более по политике или своим вдумам, нежели по святой правде».

Немало вдохновенных строк поэт Державин посвятил Суворову. В своих стихах он именует его «северным орлом», «князем славы». Узнав о переходе русских войск через Альпы, поэт Державин пишет:

*О радость! — Муза, дай мне лиру,
Да вновь Суворова пою!*

Двух замечательных людей России соединяли и личные дружеские отношения. Об этом, в частности, свидетельствуют письма, которыми обменялись полководец русской поэзии и полководец русской армии по случаю одной из суворовских побед.

«Ежели б я был пиит, обильный такими дарованиями, которые могут что-либо прибавлять к громкости дел и имени героев, то я бы вас избрал моим, — несколько выпендрено, в духе времени, пишет поэт Державин. — Но как ненадежность на мой талант удерживает меня поступить в сие ристалище чести, ибо достойно воспеть героев надобен их же дух, то между тем прося... о благосклонном приятии сего моего искреннего и патристического поздравления, в молчании с особливим высокопочтанием и глубоко преданностью пребываю...»

Суворов, высоко ценивший творчество поэта Державина, отвечает:

«Простите мне, что я на сей раз, чувствуя себя утомленным, не буду вам отвечать так, как громкий лирик; но в простоте солдатского сердца моего изолью чувства души своей...»

И затем, не соглашаясь со скромной оценкой, которую дал себе поэт, горячо утверждает:

«Слава ожидает вас... Песни ваши как важностию предмета, равно и красотою искусства возгремят в наипозднейших временах, пленяя сердце... душу... разум».